

БЕНЖАМЕН КОНСТАН

О ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАКЦИЯХ*

DOI : 10.17323/2587-8719-2019-3-2-205-231.

Я взял себе за правило никогда не отвечать критикам; те, что попадались мне до сих пор, лишь облегчали задачу ему следовать. Однако среди адресованных мне упреков был один, относительно которого стоит внести ясность не в качестве ответа на обвинения, а ради фактов. Было сказано, что иностранец не может высказывать свое мнение о Французской революции. Я не пытаюсь здесь выяснить, можно ли требовать от друзей свободы, связанных с Францией, чего-то вроде пассивного нейтралитета в деле, в котором в конечном счете решается их судьба. Я ограничусь тем, что затрагивает меня лично. Я ни в коем случае не являюсь иностранцем, происходя из Франции, семья, к которой я принадлежу, вынуждена была ее покинуть по религиозным причинам, я вернулся на Родину, как только смог. Я вернул свое состояние. Позитивный закон побудил меня сделать это, вернув мне все мои политические и гражданские права. Этот закон в окончательном виде утвердил решения предыдущих ассамблей, определенным образом подтверждая натурализацию, объявленную ими. По этой причине я пользовался в первых ассамблеях моих коммун всеми правами гражданина, и вряд ли возможно по рождению ли, по исповедуемым принципам, по своим качествам или интересам, наконец, в соответствии со своими позитивными и законными правами быть большим Французом, чем я.

Эриво, 10 жерминаля V года Республики
[30 марта 1797 года]

ГЛАВА I. О РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ РЕАКЦИЙ

Чтобы созданные тем или иным народом учреждения (institutions) были устойчивыми, они должны быть на уровне его идей. Поэтому никогда не было никаких революций в прямом смысле слова. Возможны

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © Е. Н. Блинов. Оригинал: *Constant B. Œuvres complètes. T. 1. Écrits de Jeunesse (1774–1799) / sous la dir. de K. Kloocke, P. Delbouille. — Tübingen : M. Niemeyer, 1998. — P. 447–606.*

потрясения, отдельные беспорядки, свержение власти одних людей другими, вытеснение одних партий другими партиями; но до тех пор, пока идеи находятся на одном уровне с учреждениями, они продолжают существовать.

Как только соответствие между учреждениями и идеями нарушено, революции неизбежны. Они направлены на то, чтобы восстановить это соответствие. Не обязательно цель революционеров состоит именно в этом, но такова неизменно общая направленность всех революций.

Если революция достигает этой цели с первого раза и на этом останавливается, не заходя дальше, она не вызывает никакой реакции, поскольку это всего лишь переходный период, и момент ее наступления становится тем моментом, когда она приходит в состояние покоя. Поэтому за революциями в Швейцарии, Голландии и Америке не последовало никаких реакций.

Но как только революция выходит за эти рамки, то есть основывает учреждения, которые идут дальше господствующих идей, или уничтожает те, которые им соответствуют, она неизбежно вызывает различные реакции, потому что они не находятся на одном уровне, а учреждения поддерживаются исключительно за счет крайнего напряжения сил, поэтому момент, когда спадает напряжение, становится моментом освобождения.

Революция в Англии, направленная против папизма, вышла за эти рамки, упразднив королевскую власть, поэтому имела место жестокая реакция, и спустя двадцать восемь лет потребовалась новая революция, чтобы помешать восстановлению папизма. Революция во Франции, направленная против привилегий, точно так же вышла за эти рамки, выступив против собственности и вызвав страшную реакцию¹. Я надеюсь, нам не потребуется новой революции, однако необходимы самые тщательные меры предосторожности и исключительная бдительность, чтобы воспрепятствовать возрождению привилегий.

Как только революция, выходящая таким образом за рамки, останавливается, ее прежде всего возвращают в эти самые рамки. Но обычно этим водворением не довольствуются. Ее оборачивают вспять тем сильнее, чем дальше положенного она продвинулась перед этим. Умеренность заканчивается, начинаются различные реакции. Есть два типа

¹ Речь идет о «заговоре равных» под предводительством Гракха Бабефа, участники которого были арестованы 26 мая 1796 г.

реакций: те, что направлены на людей, и те, чьим объектом являются идеи.

Я не называю реакцией ни справедливое наказание виновных, ни возвращение к здоровым идеям. Эти вещи имеют отношение, соответственно, к закону и разуму. Реакция же, напротив, отличается тем, что место закона занимает произвол, а место разума — страсти: вместо того, чтобы судить людей, их объявляют вне закона; вместо того, чтобы изучать идеи, их просто отбрасывают.

Реакции против людей продолжают революции до бесконечности, так как они без конца продлевают угнетение, которое является их причиной. Реакции против идей делают революции бесплодными, потому что напоминают об их злоупотреблениях. Первые обескураживают поколение, лелеющее эти идеи, вторые тяжким грузом довлеют над всеми поколениями. Первые наносят смертельный удар по отдельным личностям, вторые приводят в оцепенение весь род человеческий.

Чтобы положить конец череде этих бед, одни необходимо пресекать на корню, действие же других требуется ослабить, чтобы по возможности устранить их последствия, раз уж предвидеть их не было возможности. Реакции против людей как следствия предшествующих им действий (actions) являются причинами реакций в будущем. Партия, которая подвергалась угнетению, начинает угнетать сама; тот, кто считает себя ни в чем не повинной жертвой гнева, который он испытал на себе, пытается захватить власть, и, как только ему сопутствует успех, у него появляется не одна, а две причины, чтобы творить бесчинства: его естественная предрасположенность, которая заставила его совершить преступления в начале, и его затаенная злоба (ressentiment) по отношению к преступлениям, которые последовали за его собственными в качестве наказания за них.

Так накапливаются причины бед, исчезают все ограничения, партии становятся одинаково виновными, все выходит за рамки; наказанием за злодеяние становится другое злодеяние; то ощущение невинности, которое делает прошлое залогом будущего, не существует более, и все поколение, развращенное произволом, оказывается отброшено далеко от законов по самым разным причинам: из страха или мести, из гнева или раскаяния.

Месть на удивление слепа. Она прощает даже тех, чьими злодеяниями была порождена, лишь бы они направили ее против орудий их собственных преступлений. Подобные люди встают во главе реакций, которые были вызваны их собственными деяниями, что делает их еще

более отталкивающими. Людям чувствительным неведома свирепость. Сожаление смягчает гнев; в памяти о том, что мы любили, всегда есть что-то от меланхолии, которая постепенно охватывает прочие чувства.

Но люди жестокие и трусливые, жаждущие кровью искупить кровь, пролитую ими ранее, не знают в своих злоупотреблениях никакой меры. Их побудительным мотивом является не скорбь, а страх; в их варварстве проявляется не чрезмерная увлеченность, а расчет; они устраивают бойню не потому, что страдают, а потому, что трясутся от страха, а так как ужас их бесконечен, не будет конца и их преступлениям.

Если эта возбужденная толпа, которая во Франции содействовала реакции, могла бы на секунду остановиться и хорошенько рассмотреть своих вождей, то содрогнулась бы. Она бы увидела, что, протестуя против омерзительных методов [борьбы], она следует за теми, кто омерзителен вдвойне. Они возбуждают ее жажду крови, рядясь в мантию правосудия. В надежде, что все забудут об их соучастии, они подстрекают к убийству своих старых сообщников. С их помощью мстительность, охватившая нацию, становится незаконной и свирепой, они же бегут впереди, чтобы от нее уклониться. Такого рода примеры должны возбудить глубокое отвращение к любым реакциям подобного рода. Они карают отдельных преступников, но увековечивают власть преступления; они гарантируют безнаказанность самым развращенным из виновных, тем, кто всегда готов предаться любому разврату.

Реакции против идей менее кровавы, но не менее пагубны. Благодаря им проступки отдельных лиц остаются без последствий, а самые страшные бедствия — без возмещения ущерба. После того, как череда великих бед уничтожила многие предрассудки, реакции их восстанавливают, не исцеляя бед, они восстанавливают злоупотребления и несправедливость, не воздвигая ничего нового из-под руин; они возвращают человеку его цепи, но теперь эти цепи обагрены кровью.

Подобные реакции делают самые разрушительные революции еще и бесполезными: они рождаются из той склонности человеческого духа, которая заставляет его распространять свою скорбь на все, с чем соприкасался предмет его сожалений. Так в наших воспоминаниях о детстве или каком-то счастливом и безвозвратно ушедшем времени безразличные предметы смешиваются с тем, что нам было дороже всего: обольстительность прошлого связана с самыми ничтожными деталями. Поэтому человек, узревший в великом катаклизме гибель того, на чем зиждилось его личное счастье, верит, что восстановить его можно только отстроив заново все, что было увлечено этим падением; даже

неудобства и злоупотребления обретают для него ценность, ведь издалека ему видится, что они тесно связаны с теми благами, потерю которых он оплакивает.

Эта предрасположенность препятствует не только улучшению новой системы, но и совершенствованию предыдущей. Проверяют на прочность суеверное поклонение целому, составные части которого не отваживаются исследовать в страхе разрушить связь между ними. Забывая, что судить о том, чего больше нет, нужно так, словно его никогда не было. Если доходит до того, чтобы от него избавиться, то избавляться следует лишь от того, что является губительным, а если для того, чтобы восстановить что бы то ни было, то восстанавливать следует лишь приносящее пользу; когда же вновь возвращаются к предрассудкам, закабаление станет полным, а подчинение — безраздельным, как если бы их вообще никогда не искореняли.

Поэтому недостаточно завоевать свободу и способствовать победе Просвещения, заплатив за эти бесценные блага великие жертвы, недостаточно ценой великих усилий положить предел этим жертвам; необходимо воспрепятствовать тому, чтобы движение вспять, которое неизменно следует за ничем не сдержанным порывом, не вышло за свои необходимые рамки и не подготовило восстановление предрассудков, а единственным напоминанием о насущных переменах не стали развалины, слезы, кровь и бесчестие.

ГЛАВА II. ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ПРАВИТЕЛЬСТВА, В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РЕАКЦИЙ ПРОТИВ ЛЮДЕЙ

Обязанности правительства сильно отличаются в отношении двух различных типов реакции. Против реакций, направленных на людей, имеется только одно средство — правосудие. Оно должно удержаться от реакций, чтобы они не направляли его действия. Череда злодеяний может тянуться бесконечно, если не предпринять неотложных мер для их пресечения.

Но, исполняя эти обязанности, правительство должно остерегаться опаснейшего подводного камня: презрения к установленному законом порядку и клича, который бросают угнетенные против своих угнетателей. Оно всегда должно следовать этому порядку, в то время как оно воздаст за них отмщение. Слабое правительство поступает ровным образом наоборот: оно боится наказывать строго и страдает от того, что кто-то устраивает бойню. Из-за этой удручающей робости, желая

погибели злодеев, оно боится, как бы эта строгость не обернулась против него самого. В ослеплении, которое является спутником страха, нарочитая беспомощность кажется ему залогом спасения. Оно говорит тем, кто вызывает к справедливому возмездию: «Мы не можем карать злодеяния, которые презираем». Что значит: мстите за себя сами. Оно говорит тем, кто восстает против жестокости и беззакония: «Мы не можем защитить вас от гнева, который приводит нас в трепет». Что значит: защищайте себя сами. Что значит развязывать гражданскую войну, подталкивать невинных к преступлению, преступников — к сопротивлению, всех граждан — к убийствам; провозгласить власть насилия и взвалить на себя ответственность за все правонарушения, которые будут совершены. Горе правительству, которое, удерживая нейтралитет по отношению к старым и новым посягательствам, использует свою власть только для того, чтобы пребывать в этой постыдной беспристрастности, тогда как оно должно было бы реагировать, мечтая лишь о том, как поддержать свое существование!

Но оно обманывается даже в этой малодушной надежде. Напрасно пытается оно сыграть свою партию, даруя безнаказанность тем, кому отказывает в правосудии. Эти люди направят свою злобу на тех, кто принуждает их совершать преступления во имя того, что ранее принадлежало им по закону. Заставляя страдать от бесправия и терпя произвол, не добиться благодарности даже от тех, кто извлекает выгоды из этой слабости.

Так правительство обращает все негодование на себя: как виновного, которого оно обрекает на незаконные кары, так и невинного, которого оно делает преступником. Оно теряет достоинство, связанное со строгостью, не избегая связанной с ней ненависти. Как только место правосудия занимает движение народа, во главе его встают самые неумеренные, самые свирепые и бессовестные. Люди кровожадные пользуются всеобщим возмущением, которое поднимается против их кровожадных противников, а после того, как они, презрев закон, свершили свои действия против отдельных личностей, они обращают свое оружие против самих законов.

Невозмутимое, но сильное правительство должно все делать своими силами, не взывая о помощи к иноземной силе, не приближая к себе ни ту сторону, которую она защищает, ни ту, которую она карает, и строго наказывать как того, кто хочет избежать законного наказания и мстить в обход закона, так и того, кто этого заслужил.

Но для этого оно должно отвернуться от столь упоительной лести. Невозмутимость не вызывает энтузиазма. Его действия не будут приветствовать, как если бы оно вообще не исполняло свои обязанности. Разнужданная страсть не будет осыпать его знаками горячей благодарности. Ведь все кричали «слава Конвенту!», когда он, подавшись в ту сторону, куда увлекала его реакция, позволил, чтобы на смену причиненных им самим бедствиям пришли другие, которые он вполне мог бы предвидеть. Никто не закричит «слава Директории!», если она, карая за прошлые преступления, избежит впадения в противоположную крайность.

Правительство впало в заблуждение, причина которому революция, что у него должна быть собственная партия. Различные фракции стремятся его поддерживать. Каждая стремится стать центром и подает знаки правительству, чтобы оно оказало ей благосклонность. Это притязание заставляет их выдвигать самые нелепые доводы. Они прекрасно понимали, что большинство, принадлежностью к которому они бахвалились, всегда останется ветренным и непостоянным, поэтому предусмотрительно отличали это сиюминутное большинство от большинства более устойчивого. Чтобы удовлетворить его требования, правительство должно постоянно быть на чеку, чтобы его обнаружить, и быть в постоянном движении, чтобы угнаться за этим ускользающим большинством. «Правительство должно остановиться, — говорили они, — не раньше, чем достигнет сосредоточения своих подлинных интересов: если оно его еще не достигло, то должно к нему стремиться и только там оно придет в равновесие, так как только в этой точке сходятся все лучи окружности»².

Нет ничего «лучше» этой фигуративной метафизики, сочетающей неопределенность абстракции и расплывчатость метафоры, чтобы спутать все идеи и заменить точные понятия смутными образами. Кто теперь усомнится в том, что, в соответствии с этими принципами, сосредоточение интересов правительства есть настолько осязаемая и очевидная цель его пути? И разве, едва она будет достигнута, не поднимется единодушный гул одобрения и не наступит всеобщее согласие? И кто не в состоянии понять, что именно на исходе в революции, когда были задеты интересы всех и каждого, причем старые интересы по-прежнему сохраняются, а новые представлены во всей силе своей молодости, все непременно захотят, чтобы правительство сосредоточилось именно на

²Данный пассаж является парафразом определения Адриана Лезэ де Марнезия (Lezay de Marnésia, IV (1795): 52).

его интересах. Оно же, разрываясь между все новыми взаимоисключающими интересами, никогда не добьется ни стабильности, ни силы, ни достоинства, ни доверия.

Оставаясь равноудаленным, оно должно поколебать и заставить пасть перед ним ниц все частные и классовые интересы, которые вследствие этой удаленности борются за его благосклонность, придя к наиболее приемлемому для каждого соглашению, и содействовать этим, иногда вопреки им самим, восстановлению спокойствия и заключению нового общественного договора. Если мы хотим собрать под единый штандарт рассеянную армию, разве будем мы расхаживать с ним там и сям, тыкать им в каждого дезертира и, едва вбив его в землю возле одного отряда, тотчас вырывать, чтобы он развеялся где попало? Разве мы скорее не разместим его на какой-нибудь возвышенности, к которой все тотчас устремят свои взгляды и направят свои шаги, чтобы толпа, увидев наконец твердую опору, так сказать, непроизвольно объединялась вокруг нее?

Необходимо, чтобы все пристрастное, личное и преходящее было связано и подчинилось тому, что является абстрактным, невозмутимым и незыблемым. Правительство должно гнать от себя всякое воспоминание о революции, подталкивающее его искать поддержку в чем-то, помимо закона. Похвалой ему должна служить неизменная конституция, в которой прописаны его обязанности, а не те судорожные рукоплескания, что зависят от изменчивых мнений.

ГЛАВА III. ОБ ОБЯЗАННОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА В РЕАКЦИЯХ ПРОТИВ ИДЕЙ

Если в том, что касается реакций, направленных на людей, правительству требуется прежде всего строгость, то в реакциях против идей ему в первую очередь требуется сдержанность. В первом случае оно должно действовать, во втором — работать на сохранение. В отношении первых оно обязано выполнить все то, к чему его обязывает закон, в отношении вторых оно не должно делать ничего сверх того, что закон требует в обязательном порядке.

Реакции против идей направлены против учреждений или против мнений. Тогда как учреждениям не требуется ничего, кроме времени, то мнениям — ничего, кроме свободы. В отношениях одних частных лиц с другими правительство должно играть роль репрессивной силы, в отношениях частных лиц и учреждений — роль силы сохраняющей, а между частными лицами и мнениями — вообще никакой роли.

Если вы уже создали учреждение, не сердитесь, если оно подвергается критике. Не пытайтесь помешать тому, кто выступает против него, не требуйте никакого иного подчинения, кроме как в установленном порядке и по закону; поддерживайте это учреждение при помощи закона, установленного порядка и дайте ему достаточное время, тогда оно укрепится.

Если у вас есть определенное мнение, — я не имею в виду, что вы определяете мнения других — упаси вас Бог это делать, — но вы свержаете власть мнения, ставшего догмой, не бойтесь, что о нем станут жалеть, не запрещайте другим выражать свои сожаления, не оказывайте ему честь, прославив нетерпимым, сделайте вид, что вам до него нет никакого дела. Противопоставьте его серьезности свое легкомыслие, оставьте труд спорить с ним тому, кто этого пожелает, а когда речь идет о спорщиках, то будьте уверены, что нелюбовь к власти больше не будет играть им на руку. Не пытайтесь усмирять то, что не является конкретным действием, и в скором времени это мнение, изученное, оцененное, осужденное постигнет судьба тех мнений, которым преследование не придает благородный вид, и таким образом оно навсегда утратит свое привилегированное положение догмы.

Справедливость требует от правительства поступать именно так. Этого тем паче требует осторожность. Реакции против людей имеют всего одну цель — возмездие, и всего одно средство — нарушение закона. Поэтому от правительства не требуется ничего, кроме как предотвращать вполне определенные правонарушения. Но реакции против идей бесконечно разнообразны, а их средства еще изощреннее. Если правительство хочет быть активным, то вместо того, чтобы просто сохранять текущий порядок вещей, оно обрекает себя на работу без устали; оно должно действовать с учетом определенных нюансов, но оно потеряет свое достоинство, если будет метаться между столькими не поддающимися учету предметами. Его постоянные усилия будут казаться ребячеством: без уверенности в своем методе, его действия будут произволом. Оно становится несправедливым, потому что оно не уверено в себе, оно заблуждается, потому что несправедливо.

ГЛАВА IV. ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ПИСАТЕЛЕЙ В ТОМ, ЧТО КАСАЕТСЯ РЕАКЦИЙ ПРОТИВ ИДЕЙ

Именно те, кто влияет на мнения людей посредством просвещения, должны воспротивиться реакциям, направленным на идеи. Они относятся исключительно к области мысли, в которую никогда не должен

вторгаться закон. Прекрасен договор между властью и разумом, когда просвещенные люди могут сказать тем, кто наделен легитимной властью: вы гарантируете нам безопасность от всякого беззакония, а мы оградим вас от пагубных предрассудков. Вы предоставите нам защиту закона, а мы защитим ваши учреждения силой мнения.

Но в том, что касается исполнения этого договора, обе стороны обязаны быть в равной степени внимательны и верны его духу. Правительство не должно рассматривать любую жалобу как свидетельство недоверия. Необходимо также, чтобы те, кто претендует на просвещение остальных, не имели затаенных мыслей, которые побуждали бы к этому недоверию, хотя взгляды, которые они высказывают на публике, к этому не располагают. Если, превратившись в строгих ревнителей милых сердцу предрассудков, они своим молчанием освящают культ, посвященный этим таинственным божествам и жгут ладан в честь божества нации, то таким образом они только умаляют достоинство своего сана, лишают разум его престижа тем применением, которое они ему находят, и теряют всякое право быть выслушанными правителями (*gouvernants*), делая подозрительным священный язык, призванный защищать тех, кем они правят (*gouvernés*), от угнетения.

ГЛАВА VIII. О ПРИНЦИПАХ

Словом «принципы» злоупотребляли столь долго, что того, кто призывает их уважать и подчиняться им, обычно принимают за оторванного от жизни мечтателя или пустого резонера. У всякой политической фракции есть ненавистные ей принципы: одни видят в них источник прошлых бед, другие полагают, что они лишь умножают наши затруднения в настоящем. Те, кто не в состоянии вернуть прошлое, враждебны принципам потому, что видят в них причину его гибели; те же, кто не знает, что теперь делать, порицают их за бессилие. Да и людская масса в силу своей коллективной природы никак не заинтересована в частных исключениях и настаивает на том, чтобы общие принципы один за другим рассматривались через призму деклараций, с которыми выступают различные партии, поэтому она решительно настраивается против порицаемых ими принципов, даже если эти принципы являются ее единственной защитой против любых партий.

Реабилитация принципов могла бы стать предприятием одновременно крайне полезным и приемлемым для всех: таким образом удалось бы выйти из-под влияния того несчастного стечения обстоятельств, которое

постоянно доставляет нам столько различных неприятностей. Это избавило бы от необходимости обращаться к отдельным личностям: вместо того, чтобы изобличать их опрометчивые шаги или пороки, можно было бы заниматься исключительно идеями. К тому преимуществу, которое дает нам возможность глубже обосновать свое мнение, мы могли бы добавить не менее ценное — не переходить на личности.

Но этот труд потребовал бы более подробного изложения, чем позволяют рамки настоящего сочинения, которое я стремился опубликовать как можно скорее в надежде, быть может тщетной, принести им какую-то пользу. На следующих страницах, если только никто из более одаренных сочинителей не превзойдет меня этим, я постараюсь изложить то, что представляется мне базовыми принципами свободы. В настоящий момент я могу только обозначить фундаментальные идеи системы, которая состоит из длинной цепочки рассуждений, поэтому я обязан положиться на читателя и пропустить некоторые промежуточные этапы, если его действительно интересует данный вопрос.

Принцип является наиболее общим результатом отдельных фактов. Всякий раз, как совокупность этих фактов претерпевает определенное изменение, выведенный из них принцип также будет изменен, и сама эта модификация становится принципом.

Все в этом мире имеет свои принципы, то есть любые сочетания различных сущностей или же событий приводят к определенном результате: если результат всякий раз один и тот же, значит имели место те же самые сочетания. Именно этот результат называется принципом. Этот результат является общим только по отношению к тем сочетаниям, из которых он проистекает. Поэтому он является общим лишь в относительном, а не в абсолютном смысле. Это крайне важное различие, упуская его из виду, столь часто составляли ошибочное мнение о том, что представляет из себя принцип.

Существуют универсальные принципы, поскольку имеются исходные данные, присутствующие во всех комбинациях. Но из этого не следует, что к этим фундаментальным принципам не требуется присоединять те, которые вытекают из каждого отдельного сочетания.

Когда мы утверждаем, что общие принципы приложимы к определенным обстоятельствам, то делаем это только потому, что нам не удалось открыть опосредующий принцип, который является предметом нашего рассмотрения. Это означает упустить одно из звеньев цепи, что не ставит под вопрос существование самой цепочки. Вторичные принципы столь

же неизменны, что и первичны. Любое нарушение продолжительной цепочки требует всего лишь восстановления одного из ее звеньев.

Мы часто отчаиваемся в тех или иных принципах, что объясняется тем, что мы их совершенно не знаем. Едва мы утверждаем, что то или иное обстоятельство изменяет действие определенных принципов, то не встречаем понимания. Всякое обстоятельство относится к присущему ему принципу, так как принцип по своей сути не является общим или применимым к любому случаю, и именно эта составная сущность определяет его полезность.

Поэтому принципы — не просто бесплодные теории, годные лишь для того, чтобы их обсуждали по своим темным углам философские школы. Это выдержавшие испытание временем истины, которые постепенно связываются одна с другой вплоть до приложения их к самым конкретным обстоятельствам и самым незначительным деталям жизни общества при условии, что мы умеем следить за их ходом.

Как только мы забрасываем в самую гущу некоторого объединения людей изначальный принцип, отделенный от всяких опосредующих принципов, которые позволяют связать его с нами, или же делают подходящим для нашей ситуации, мы, вне всякого сомнения, вносим большой беспорядок. Так как принцип, оторванный от всего, что его обрамляет, лишенный всяческих опор, в окружении того, что ему противоречит, разрушается и теряет свою силу; но это не беда изначального принципа, к которому мы обращаемся, а неизвестных нам опосредующих принципов, поэтому не принципиальная невозможность первого, а именно непонимание того, как действуют вторые, повергает все в хаос.

Сравним эти идеи с фактами и с политическими учреждениями, и мы поймем, почему принципы до сих пор подвергались хуле со стороны шарлатанов, а людьми простыми и серьезными рассматривались как нечто абстрактное и бесполезное. Мы также увидим, почему предрассудкам была оказана честь, в которой было отказано принципам.

Разумеется, если принципы являются всего лишь результатом отдельных фактов, то в политической ассоциации они естественным образом являются результатом частных интересов, или, если говорить коротко, общий интерес должен быть одинаково дорог всем и каждому. Однако с учреждениями, которые были созданы для защиты интересов немногих против общего интереса, не могло не произойти того, о чем мы упоминали выше. Мы не можем вводить принципы иначе, как отдельно друг от друга, полагаясь на волю случая в том, что касается их осуществления, предоставляя им определить, послужат ли они во благо

или во вред. Из этого должно следовать, что если в их основании заложена разрушительная идея, то они будут неизменно ассоциироваться с разрушением.

Предрассудки, напротив, имеют то огромное преимущество, что, лежа в основе учреждений, они приспособлены к жизни в силу постоянного употребления, они связывают воедино различные стороны нашей жизни и становятся чем-то невероятно близким, они проникают во все наши дела, и человеческая природа, которая берет на себя заботу обо всем, что только ни есть, выстроила из них нечто вроде фундамента или общественного строя относительно несовершенного, но по крайней мере отводящего им определенную нишу. Всякий, кто таким образом переходит от частных интересов к наиболее общим предрассудкам, привязывается к ним, как и к тем, кто выступает в качестве их хранителей (*conservateurs*).

Принципы идут иным путем, поэтому им уготована совсем иная участь. Общие принципы появились первыми, вне прямой связи с нашими интересами, в качестве противоположности тем предрассудкам, которые эти интересы защищали. Поэтому они выступают в двойном качестве иностранцев и врагов. В них видели нечто общее и весьма разрушительное, а в предрассудках — нечто конкретное и сохраняющее. Как только у нас появятся учреждения, основанные на принципах, сама идея разрушения станет ассоциироваться с предрассудками, потому что именно предрассудки перейдут в наступление.

Например, учение о наследственности — предрассудок абстрактный, столь же абстрактный, что и учение о равенстве. Но наследственность самим фактом своего существования должна была некоторым образом это существование устраивать, поэтому она была привязана к целому ряду учреждений, привычек, интересов, которые простирались до самого личного, что есть в каждом человеке. Равенство, напротив, по причине того, что его не признавали, не было ни к чему привязано, наступало во всех направлениях и простиралась до отдельных личностей только для того, чтобы потрясти основы их бытия. После этих потрясений нет ничего проще, чем возненавидеть принцип и воспылать любовью к предрассудку.

Попробуйте изменить подобное положение дел: представьте, что учение о равенстве будет признано, устроено и станет первым звеном в цепочке социального, примешиваясь таким образом ко всем интересам, расчетам, принципам регулирования личной и общественной жизни. Представьте, что учение о наследственности само по себе и в качестве

общей теории вступит в противоречие с системой, и тогда предрассудок станет разрушительным, а принцип — сохраняющим.

Да будет мне позволено привести еще один пример. Это универсальный принцип, одинаково верный во все времена и во всех обстоятельствах, согласно которому никто не может быть ограничен законами, в составлении которых он не принимал участия. В не самом многочисленном обществе этот принцип может применяться непосредственно и не требует для своего утверждения принципа опосредующего. Но в другом сочетании или в обществе многочисленном к нему следует присоединить иной принцип, то есть принцип опосредующий, о котором идет речь. Этот опосредующий принцип заключается в возможности для отдельных лиц участвовать в составлении законов или непосредственно, или же через своих представителей. Тот, кто хотел бы применить к обществу, состоящему из множества людей, первый принцип без всякого опосредования, определенно вызовет потрясения, которые однако будут служить доказательством невежества и глупости законодателя, и равным счетом ничего не докажет относительно самого принципа. Государство ожидают потрясения не потому, что мы признаем за каждым гражданином право участвовать в составлении законов, а потому, что мы упустим из виду тот факт, что для участия в составлении законов каждый должен быть соответствующим образом представлен.

Нравственность — наука куда более обстоятельная, чем политика, так как потребность в нравственности мы ощущаем изо дня в день, и человеческий разум занимался ей к своей вящей выгоде, не будучи направлен частными интересами ее выразителей или тех, кто злоупотребляет властью. Поэтому принципы нравственности известны лучше, а ее абстрактные принципы не дискредитированы, вся цепочка надежно устроена, и ни один изначальный принцип не воспринимается как враждебный и разрушительный, что часто происходит с людьми и идеями, когда они находятся в изоляции.

Поэтому, вне всякого сомнения, абстрактные принципы нравственности, если отделить их от опосредующих принципов, приведут к такому же смятению в общественных социальных отношениях, что и отделенные от своих опосредующих принципов абстрактные политические принципы в отношениях гражданских.

Например, нравственный принцип, провозглашающий, что говорить правду является долгом, если рассматривать его абстрактно и изолированно, сделает невозможным само общество. Доказательством этому служат те непосредственные выводы, которые сделал из этого один

немецкий философ³, дошедший до утверждения, что перед лицом убийц, спрашивающих, не в вашем ли доме укрылся преследуемый ими ваш друг, ложь была бы преступлением. Только благодаря опосредующим принципам подобного рода изначальный принцип можно принять без всяких нежелательных последствий.

Но, возразят мне, как можно отыскать эти недостающие опосредующие принципы? Как вообще можно догадаться об их существовании? Как неизвестное подает знаки о том, что существует? Всякий раз, когда принцип, который кажется нам верным, выглядит неприменимым, мы просто игнорируем существование опосредующего принципа, в котором можно найти способ его применения. Чтобы найти подобный опосредующий принцип, для начала необходимо определить принцип более общий. Определив его, рассмотрев с разных сторон и окинув взглядом в целом, мы отыщем то звено, которое связывает его с другими принципом. Если его не существует, то необходимо открыть другой принцип, к которому он таким образом нас привел, который приведет нас к третьему, поэтому, вне всякого сомнения, мы таким образом отыщем способ его применения, разматывая всю цепочку.

В качестве примера я использую упомянутый мной нравственный принцип, согласно которому говорить правду является обязанностью. Если изолировать его от других, то этот принцип неприменим. Он разрушит общество. Но если вы полностью от него откажетесь, то общество в любом случае будет разрушено, так как будут подорваны основы всякой нравственности. Поэтому следует найти способ его применения, а для этого, как мы уже говорили, необходимо дать определение самому принципу.

Говорить правду является долгом. Что такое долг? Идея долга неотделима от идеи прав: долг — это то, что во всяком человеке соответствует правам другого. Там, где нет прав, нет никакого долга. Поэтому правда является долгом только по отношению к тем, кто имеет на нее право. Никто не имеет право на ту правду, что навредит другому. Таким образом, мне кажется, этот принцип оказывается применимым. Определяя его, мы нашли связь, которая объединяет его с другим принципом, и это объединение позволило найти выход из нашего затруднения.

Заметьте, сколь велика разница между подобными рассуждениями и полным отказом от самого принципа. В выбранном нами примере

³Речь идет о Канте, работа которого «О мнимом праве лгать из человеколюбия» (1797) станет наиболее известным ответом на «Политические реакции».

человек, растерянный ввиду нежелательных последствий принципа, в соответствии с которым говорить правду является долгом, вместо того, чтобы дать ему определение и способ применить его, ограничится заявлением о том, что принципы не созданы для реальной жизни, и сведет все к произволу. Он нанесет всей системе нравственности урон, который будет ощутим во всех ее областях. Напротив, определив принцип и обнаружив его отношение с другими, отыскав в самом этом отношении способ его применить, мы нашли конкретную модификацию принципа правды, который позволяет полностью исключить всякий произвол и неопределенность.

Возможно, это совсем новая идея, но мне она кажется бесконечно важной: во всяком принципе или в его отношении к другим принципам содержится способ его применения. Никогда не стоит отказываться от принципа, признанного верным, каким бы опасным он ни казался. Он должен быть описан, определен, использован в сочетании с родственными ему принципами таким образом, чтобы найти средство предотвратить его нежелательные последствия и применять его надлежащим образом.

Учение, доказывающее обратное, абсурдно по своей сути и разрушительно на практике. Оно абсурдно, потому что доказывает слишком много, по причине чего опровергает само себя. Утверждение о том, что абстрактные принципы — всего лишь пустые и неприменимые на практике теории, равносильно признанию в том, что данное учение является абстрактным принципом. Так как подобное мнение является не частным фактом, а общим результатом. Это означает использовать абстрактный принцип против абстрактных принципов, и лишь этим доказать его бесполезность. Это означает также подражать сумасбродству греческих софистов, которые сомневались во всем, не отваживаясь даже настаивать на своем сомнении.

Помимо своей абсурдности, это учение еще и разрушительно, так как скатывается к полнейшему произволу. Потому что если отсутствуют принципы, то нет больше ничего неизменного, остаются только обстоятельства, и каждый рассуждает, исходя из них. Так мы будем переходить от одних обстоятельств к другим, не имея основания оспаривать что-либо. Когда все оказывается зыбким, не может быть никаких оснований. Справедливое, несправедливое, законное, незаконное перестанут существовать, потому что принципы лежат в основании всех вещей и исчезают вместе с ними. Останутся лишь страсти, подталкивающие к произволу, дух сопротивления, который попытается от него

спасти, как от направленного на него оружия, и сам в свою очередь станет угнетателем; одним словом, произвол, этот тиран, одинаково опасный для тех, кому он служит и для тех, на кого он обрушивается, будет править единолично.

Рассмотрим теперь более подробно последствия произвола, а поскольку мы доказали, что верно определенные и последовательные принципы смогут, поддерживая друг друга, преодолеть все сложности, то мы продемонстрируем, если это возможно, что произвол, сущность которого нельзя определить, а последствия — предвидеть, на самом деле не устраняет ни одного из тех неудобств, с которыми он якобы борется, и срубает одну из голов гидры только для того, чтобы прорастали новые.

ГЛАВА IX. О ПРОИЗВОЛЕ

Прежде чем опровергнуть сторонников произвола, я должен доказать, что у него есть сторонники. Ибо его природа такова, что даже те, кого соблазняют доставляемые им удобства, страшатся самого слова, едва его произносят; причем подобная непоследовательность чаще объясняется недоразумением, а не злым умыслом. Произвол, который может произвести самый позитивный эффект, тем не менее является чем-то исключительно негативным: это отсутствие правил, границ, определений, одним словом, всего более-менее точного. Поскольку эти правила, ограничения, определения — вещи не особо удобные и утомительные, вполне естественно желание сбросить их ярмо и скатиться к произволу, не испытывая никаких сомнений.

Если я не дам определения произволу, то едва ли смогу доказать, что он имеет губительные последствия. Все с этим согласятся, но все также будут оспаривать способ его применения. Всякий скажет: произвол, вне всякого сомнения, таит в себе великую опасность, но какое отношение это имеет к нам, ведь мы не желаем произвола?

Сторонниками произвола являются те, кто отбросил принципы, так как все, что определяется либо в отношении фактов, либо в отношении идей, должно привести к некоторым принципам. Тогда как произвол является тем, что возникает в отсутствии всякого определения, то есть все, что не соответствует принципам, является произволом.

Сторонниками произвола являются те, кто уверен в существовании непреодолимой границы между теорией и практикой, так как все, что можно уточнить, является предметом теории, а все, что не может им являться — есть произвол. Сторонниками произвола являются и те,

кто вместе с Берком утверждают, что аксиомы, верные с метафизической точки зрения, могут быть политически ложными⁴, предпочитая им пустые рассуждения, предрассудки, воспоминания, слабости, все эти смутные, зыбкие и не подлежащие определению предметы, таким образом погружаясь в стихию произвола.

Сторонники произвола весьма многочисленны, хотя само это слово вызывает всеобщее презрение, но поскольку произвол по своей природе неясен, мы погружаемся в него, сами того не ведая, и пребываем в нем, полагая, что находимся на значительном отдалении, подобно тому, как путешественник, скрытый пеленой тумана, думает, что туман расстилается перед ним.

Произвол как научный факт приведет к уничтожению всякой науки, так как наука является не чем иным, как сочетанием точных и установленных фактов, поэтому не будет науки там, где больше не будет ничего точного и установленного. Но поскольку у наук нет никаких точек пересечения с личными интересами, то никому не приходила в голову мысль навязывать им произвол. Никакой индивидуальный расчет или частная точка зрения не оспаривает законы геометрии.

Произвол как фактор нравственности приведет к уничтожению всякой нравственности, поскольку она является сочетанием правил, на которые индивиды должны взаимно рассчитывать в общественных отношениях. Не будет нравственности там, где больше нет правил. Но поскольку нравственность постоянно пересекается с интересами каждого, то все противятся этим правилам и, сами того не замечая, способствуют вторжению произвола в область нравственности.

Отсутствие личных интересов производит то же воздействие на науку, что их постоянное присутствие — на нравственность. Произвол для политических учреждений означает разрушение любых учреждений. Поскольку политические учреждения являются сочетанием правил, на которые индивиды должны иметь право рассчитывать в их гражданских отношениях, то нет политических учреждений там, где этих правил не существует.

Но с политикой дело обстоит совсем иначе, чем с науками или нравственностью. У политики множество точек пересечения с личными

⁴Цитата *in extenso* звучит следующим образом: «The pretended rights of these theorists are all extremes; and in proportion as they are metaphysically true, they are morally and politically false» (Burke, 2014: 63).

интересами, но эти точки не являются ни равноценными, ни постоянными, ни данными непосредственно, поэтому у нее нет защиты ни в виде полного отсутствия интересов, как в случае наук, ни в виде их постоянного присутствия, как в случае нравственности.

Поэтому именно в политике произвол обрел свое пристанище, я сейчас не говорю о религии, которая не является ни наукой, ни общественным отношением, ни учреждением и совершенно выходит за пределы нашего рассмотрения. Произвол несовместим с существованием правительства, если говорить об его учреждении; опасен для существования правительства, если говорить о его действиях; он не дает никаких гарантий правительству, если говорить о безопасности входящих в него индивидов. Я последовательно докажу эти три утверждения.

Политические учреждения являются всего лишь договорами. Суть договоров состоит в том, чтобы устанавливать четкие рамки, тогда как произвол как противоположность того, что составляет смысл контракта, подрывает основу всякого политического учреждения. Я знаю, что даже те, кто, отвергая принципы как нечто несовместимое с человеческими учреждениями, предоставляют произволу существенные возможности, хотели бы его смягчить и ограничить; однако эта надежда абсурдна, ведь для того, чтобы ограничить или смягчить произвол, следовало бы задать его четкие рамки, а в этом случае он перестанет быть произволом.

Он по природе своей должен быть или повсюду, или нигде, повсюду не фактически, а по праву, и мы вскоре увидим, как важно это отличие. Он разрушителен для всего, к чему прикасается, поскольку уничтожает всякие гарантии, тогда как ничто не может существовать без гарантий, потому что существует фактически, а факт — всегда дело случая, но всякая сущность в рамках учреждения существует исключительно по праву.

Из этого следует, что всякое учреждение, которое хочет утвердиться без всякой гарантии, то есть за счет произвола, направлено на самоуничтожение, и если какая-то из частей общественного порядка скатывается к произволу, то все остальные гарантии исчезают. Поэтому произвол несовместим с правительством, если рассматривать его с точки зрения учреждения. Он опасен для правительства с точки зрения его действий, хотя он ускоряет его шаг и отчасти придает ему значительный вид, при этом всегда лишает его действия последовательности и постоянства.

Прибегая к произволу, дают те же права, что забирают. По этой причине теряют значительно больше, чем приобретают: они теряют все. Говоря какому-то народу: «Ваших законов недостаточно для того,

чтобы управлять вами», — мы даем этому народу право возразить: «Если наших законов недостаточно, то мы хотим другие», — а с этими словами правительство утрачивает всякий законный авторитет. Ему остается лишь сила, то есть оно больше не является правительством. Потому что не стоит слишком полагаться на человеческую глупость, говоря им: «Вы наложили на себя то или иное ограничение, чтобы получить определенную защиту. Мы забираем у вас эту защиту, но оставляем ограничение. С одной стороны, вы вынуждены будете терпеть все пути, наложенные общественным состоянием, а с другой — вы будете оставлены на волю случая [...] в диком состоянии».

Таков негласный язык правительства, которое прибегает к произволу. Обязательства народа и правительства всегда взаимны. Если правительство поступает с народом законным образом, то также ведет себя народ по отношению к правительству; но если оно поступает по произволу, то народ по отношению к нему будет вести себя точно также.

Наконец, произвол не спасает правительство, если говорить о безопасности людей, которые его составляют, поскольку произвол не предоставляет никакого убежища индивидам. На те действия, которые вы предпримете против своих врагов в соответствии с законом, они не смогут вам ответить иначе, чем законным образом, потому что ясный и упорядоченный закон не сможет достать вас, если вы невиновны. Но если вы поступаете с врагами по произволу, то они поступят с вами также, ведь произвол не знает рамок и ограничений: виновны вы или нет, он вас достанет.

Во время заговора Бабефа многие выказывали раздражение из-за строгого следования процедуре и ее медлительности. Если бы заговорщики победили, то разве стали бы они строго следовать всем этим процедурам, чтобы нас осудить? Но именно потому, что они не стали бы этого делать, вы должны строго следовать им. Ведь именно это вас отличает и дает вам право карать их, выставляя их как анархистов, а вас самих — как сторонников закона.

Когда тираны, недавно правившие Францией, хотели восстановить свою отвратительную империю первого прериала третьего года⁵ и были наголову разбиты, утратив свою силу, то для их осуждения были созданы военные Комиссии и возражения отдельных добросовестных людей не были выслушаны. От этих Комиссий произошли на свет военные Советы тринадцатого вандемьера четвертого года, а также

⁵Речь идет о восстании якобинцев 20 мая 1795 года (1 прериала, III года Республики).

военные Комиссии, созданные в фрюктидоре того же года, а последние породили военные Трибуналы вантоза пятого года.

Я не обсуждаю здесь законность или компетентность этих Трибуналов. Я всего лишь хочу доказать, что они санкционируют сами себя, и так продолжается до бесконечности. Мне бы хотелось, чтобы все наконец поняли, что при непредсказуемом развитии событий ни одно даже самое привилегированное частное лицо или партия, наделенная достаточно твердой властью, чтобы считать себя надежно защищенной от своего собственного учения, не может не опасаться, что рано или поздно оно обратится против него.

Если мы могли бы трезво проанализировать те страшные времена, конец которым столь поздно положило Девятое термидора⁶, то увидели бы, что террор был ничем иным, как доведенным до крайности произволом. Поскольку природа произвола такова, что мы никогда не можем быть уверены, что он не будет доведен до крайности. Не приходится сомневаться, что это непременно произойдет, едва кто-то восстанет против него. Поскольку когда то, что не имеет никаких рамок, защищается при помощи ничем не стесняемых средств, не подлежит ограничению. Произвол, защищая самое себя, должен преодолеть любое препятствие, устранить любую преграду, словом, произвести нечто подобное тому, чем был террор.

Та полная бедствий пора, что известна под этим именем, предоставляет убедительнейшее доказательство наших рассуждений. Мы видим, как произвол делал бессильным правительство в том, что касается его учреждения, поскольку, несмотря на все его усилия и все софизмы жаждущих крови писак, ничего, что напоминало бы учреждение, так и не было создано этим чудовищным революционным правительством, которое предавалась всем бесчинствам и злодеяниям, не давая ни малейшей защиты, никакого постоянного закона, словом, ничего, что было бы ясным, определенным, то есть ничего того, что могло бы дать гарантию.

Мы видим, как произвол оборачивается против правительства в том, что касается его действий. Революционное правительство гибнет из-за произвола, так как правило с его помощью. Не будучи основано ни на каком законе, оно не имело никакой защиты. Беспорядочная и ничем не

⁶9 термидора (27 июля 1794 г.) произошел арест Робеспьера и его сторонников, положивший конец диктатуре якобинцев.

ограниченная власть чудной и взбалмошной ассамблеи⁷ была единственным принципом ее действий, и как только она переходила к реакции, ничто не могло ей противостоять; а поскольку власть революционного правительства обернулась чередой незаконных и свирепых изуверств, его падение было результатом благородной и священной ярости.

Мы увидели, наконец, что правительственный произвол не дает достаточных гарантий личной безопасности тем, кто правит. Чудовища, которые казнили без суда или судили, руководствуясь произволом, погибнут без суда или будут осуждены по произволу: они ставили вне закона, так же вне закона поставят их самих.

Произвол пагубен не только тогда, когда служит преступлению. Он еще опаснее, когда с преступлением борется. Это орудие беззакония — сомнительный метод восстановления.

Причина этого проста. Когда нечто создается по произволу, мы понимаем, что он может уничтожить свое творение, и что всякое создаваемое им преимущество будет обманчивым, сводя на нет то, что лежит в основе любого преимущества, а именно его продолжительность. Все, что было сделано подобным образом, неизменно ассоциируется с шаткостью и беззаконием. Неизбежно возникает ощущение немого протеста как против хорошего, так и против плохого: и то, и другое кажется подорванным в своем основании. Людей привязывает к тому, что они делают, надежда на продолжение их деяний. Но никогда те, кто совершает благое дело по произволу, не могут лелеять подобной надежды. Потому что совершаемый сегодня произвол открывает путь произволу завтрашнего дня, который вполне может быть противоположен ему по смыслу.

Это приводит к новому нежелательному последствию: от неопределенности хотят избавиться за счет насилия. В чем заходят так далеко, что вернуться обратно уже не представляется возможным. Желая убедить самих себя в действенности этого шага, все делают нарочито, чтобы придать этому какую-то стабильность. Считая, что сделано недостаточно для того, чтобы удалить с плодов их деяний это несмываемое родимое пятно. В сегодняшних перегибах пытаются увидеть гарантию его долговечности, но, не имея возможности поместить свою постройку на достаточно глубокий фундамент, перелопачивают почву, вырывая пропасти.

⁷Намек на Национальную Ассамблею, сам термин предложен Сийесом, к которому во время Директории были близки Констан и Жермена де Сталь.

Так во время революций свершаются, следуя друг за другом, преступления: в реакциях, в злоупотреблениях, которым нет конца, пока не будет покончено с произволом. Нелегко дожидаться этого часа. Нет ничего привычней смены одного произвола другим, нет ничего реже перехода от произвола к закону. Добродетельные мужи льстят себе этой надеждой, но это заблуждение может быть опасно. Они думают, что узаконить плоды произвола всегда уместно. Они предлагают прибегнуть к этому средству только для того, чтобы обойти все препятствия, и, разрушая посредством произвола, предлагают перейти к восстановлению посредством закона.

Но, прибегая таким образом к произволу, они возводят это в привычку и предоставляют эту возможность своим подчиненным: тем, кто принимают его и получают от него выгоду, а так как нет ничего более удобного и обнадеживающего, привычка переживает то время, когда она была уместна, и вступление закона в действие постоянно откладывается.

Я уже изложил эту систему в произведении, в котором, как говорят, была изрядная доля макиавеллизма⁸. Однако я полагаю, что нет ничего более противного макиавеллизму, чем необходимость позитивных принципов, ясных и четких законов, одним словом, учреждений настолько устойчивых, что они не оставляют никакой лазейки для тирании и ни малейшего повода для вторжения. Суть макиавеллизма в том, чтобы предпочитать произвол всему прочему. Произвол куда лучше подходит для злоупотребления властью, чем любое сложившееся учреждение, каким бы несовершенным он ни было. Точно так же друзья свободы должны предпочитать несовершенные законы тому, что потворствует произволу, потому что при несовершенных законах возможно сохранить свободу, произвол же делает ее неосуществимой. Поэтому произвол — великий враг всякой свободы, низкий развратитель любого учреждения, источник ее гибели, который нельзя ни изменить, ни ослабить: его непременно требуется уничтожить.

Если невозможно было бы представить себе учреждение, свободное от произвола, а представив его, без произвола невозможно было бы представить его работу, то тогда следовало бы вообще отказаться от всяких учреждений, отбросить всякую мысль, оставить все на волю случая, и, полагаясь на свои силы, надеяться на тиранию или безропотно ей покориться.

⁸ Речь идет о сочинении Константа «О силе настоящего правительства и необходимости ему подчиниться» (1796).

Но, поддавшись этому праведному гневу против произвола, стоит воздерживаться от того, чтобы принимать за произвол то, что им не является. Я вижу, как люди из самых благих намерений совершают эту ошибку, заключая из этого необходимость произвола. Они принимают за произвол всякую свободу действий, которой обладает правительство, даже тогда, когда она вполне обоснована, впадая тем самым в одну из крайностей. Или же они отрицают любую свободу действий, и тогда машина останавливается, так как между винтиками механизма не остается никакого зазора; или же бросаются в другую крайность, предоставляя ему неограниченную свободу, и тогда машина разваливается на части за отсутствием того, что удерживает их вместе.

Франция получила три конституции⁹, и мне не кажется, что сложилась какая-то ясная идея о том, чем должна быть конституция, а также о том уважении, с которым к ней бы следовало относиться. Именно поэтому отсутствует понимание тех огромных возможностей для утверждения свободы, которые предоставляют свободные учреждения, а не зная тех неисчислимых средств, которые дает закон, стремятся найти им замену в самом эфемерном и опасном из всех средств — в произволе.

Конституция гарантирует свободу того или иного народа, поэтому все, что поддерживает свободу, является конституционным, а все, что направленно против нее — нет. Распространять конституцию на все означает подвергнуть ее опасности и окружить подводными камнями. Есть великие основы, на которые не могут посягать власти ни одной страны. Но совместными усилиями власти могут делать то, что им не противоречит.

Для нас, например, этими основами являются национальное представительство в двух палатах, вопрос единства и вопрос наследственности, независимость судов, неотчуждаемое право собственности, которые гарантирует конституция, гарантия от необоснованного заключения под стражу, возможность не быть лишенным своих естественных судей, не подпадать под обратное действие законов и еще ряд весьма немногочисленных принципов.

Вот что единственно является конституционным: исполнительные меры должны определяться законодательно. Во всем, что касается деталей, административных законов, конституционным является только то, что все эти меры осуществляются в соответствии с правовыми нормами, предусмотренными конституцией. Когда говорят «конституция»,

⁹ Речь идет о Конституциях 1791, 1792 и 1793 годов.

то справедливо добавляют «конституция целиком», но когда говорят только о ней, то выходит нелепость. Конституция и конституция целиком, а также все, что необходимо для ее осуществления, — только это имеет смысл.

Руководствуясь этими принципами, правительство, под которым я имею в виду собрание лиц, наделенных исполнительной и законодательной властью, совершенно не нуждается в произволе. Без них оно постоянно вынуждено к нему обращаться. Если вы вменяете ему другие обязанности, помимо соблюдения конституционных основ и составления следующих из них законов, перед которыми все равны в соответствии с предусмотренными правовыми нормами, то эти обязанности оно никак не выполнить не сможет.

Поэтому вам стоит ограничиться конституцией настолько краткой, что она сможет предусмотреть все возможные обстоятельства. Она должна их описывать, а не искусственно ограничивать, проводить их границы, а не сдавливать в тисках. Таким образом вы избежите произвола, к которому чуть что требуют прибегнуть честолюбцы, называя его единственным средством. Вы предвидите революции, которые являются произволом, обращенным на разрушение, и положите конец реакциям, которые являются произволом, направленным на восстановление.

То, что без произвола было бы реформой, в сочетании с ним становится революцией, то есть потрясением. То, что без произвола было бы исправлением, в сочетании с ним становится реакцией, то есть мстью и иступлением.

ГЛАВА X. ВЫВОДЫ

В этом сочинении я ставил перед собой три цели. Я хотел предостеречь от реакций, оградить от произвола и, наконец, привести все к принципам. Если я достиг хотя бы одной из них, то именно за счет благотворной последовательности истин, которая помогла мне выполнить эту тройную задачу.

Если реакции настолько пагубны и ужасны, избегайте произвола, потому что он непременно влечет их за собой; если произвол обрушивается подобно бедствию, избегайте реакций, потому что они укрепляют его власть; наконец, если вы хотите обезопасить себя как от реакций, так и от произвола, руководствуйтесь принципами, которые только и могут вас спасти.

Только система принципов может обеспечить длительную стабильность. Только она служит политическим активистам незаменимым

подспорьем. Повсюду вспыхивают демонстрации, у которых больше нет конкретного повода. Они отказываются от привычного порядка вещей, чтобы направить свою агрессию на все еще спорные вопросы. Рабство, феодализм больше не являются поводами для войны. Предрассудки в их религиозном виде вынуждены почти повсеместно перейти к обороне.

Если происхождение все еще разделяет нас, то только потому, что направленные против него принципы еще не облечены в очевидные для них формы. Через сто лет мы будем говорить о происхождении, как сегодня говорим о рабстве. Еще один вопрос перестанет быть предметом мятежных страстей. За счет того, что будет основано при помощи принципов, страсти улягутся; как только эти принципы восторжествуют, воцарится мир.

Поэтому вы видим, как бьются, отступая, страсти неистовые, кроваво-жадные, свирепые, часто одерживая победы над отдельными лицами, но всегда терпя поражения от разума. Они с трепетом отступают от всякой преграды, которую воздвигает перед ними последовательная и упорядоченная система, постепенное построение которой есть высшая воля природы, неизбежное следствие хода вещей, надежда и отрада всех друзей свободы¹⁰.

Эта система, чье развитие было ускорено революциями, изменят самый их ход подобно тому, как мир меняет войну, а победа меняет битву. Политические расчеты, по точности сравнимые с естественными науками, неоспоримые основы всеобщих учреждений, позитивная гарантия личных свобод, безопасность всякого имущества, ясный путь к достижению наших целей, полная независимость людей, беспрекословное подчинение законам, раскрытие всех талантов и личных качеств, отмена всех злоупотреблений власти, всех этих эфемерных преимуществ, которые не имеют своим источником ни общую волю, ни общий интерес и прививают наделенным ими вкус к злоупотреблениям; гармония в целом, ясность в деталях, понятная теория, дальновидная практика — таковы основные черты этой системы принципов.

Она заключается в сочетании счастья личного и общественного. Она открывает путь гению и защищает собственность бедняка. Она принадлежит вечности, поэтому временные потрясения против нее бессильны. Сопrotивляясь ей, все еще можно вызвать серьезные потрясения. Но по мере того, как человеческий дух продвигается вперед, а печатное слово

¹⁰ Аллюзия на работу Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», посмертно опубликованную в 1795 году.

фиксирует этот прогресс, больше не будет варварских вторжений, союзов угнетателей, возвращения к предрассудкам, которые могут обратить его вспять. Просвещение должно распространяться, род человеческий — подниматься и постигать равенство, тогда каждое из следующих поколений, когда смерть поглотит его, оставит после себя восхитительный след, обозначающий путь к свободе.

ИСТОЧНИКИ

Lezay de Marnésia A. De la faiblesse d'un gouvernement qui commence, et de la nécessité où il est de se rallier à la majorité national. — Paris : Chez B. Mathey, IV (1795).

ЛИТЕРАТУРА

Burke E. Revolutionary Writings : Reflections on the Revolution in France and the First Letter on a Regicide Peace / ed. by I. Hampsher-Monk. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014.

Constant, B. 2019. "O politicheskikh reaktsiyakh [On Political Reactions]" [in Russian], trans. from the French and annot. by E. N. Blinov. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 205–231.

BENJAMIN CONSTANT

ON POLITICAL REACTIONS

Translation of: Constant, B. 1998. *Écrits de Jeunesse (1774–1799)* [in French]. Vol. 1 of *Œuvres complètes*, ed. by K. Kloocke and P. Delbouille. Tübingen: M. Niemeyer. P. 447–606.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-205-231.

REFERENCES

- Burke, E. 2014. *Revolutionary Writings: Reflections on the Revolution in France and the First Letter on a Regicide Peace*. Ed. by I. Hampsher-Monk. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lezay de Marnésia, A. IV (1795). *De la faiblesse d'un gouvernement qui commence, et de la nécessité où il est de se rallier à la majorité national* [in French]. Paris: Chez B. Mathey.